

**ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРИНЦИПЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИРКУТСКОМ
ИСПРАВИТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРИЮТЕ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Аннотация. Наметившаяся в современной российской пенитенциарной системе тенденция преобразования воспитательных колоний в воспитательные центры, нацеленные на формирование новых для осужденных ценностей, приобщение к системе социальных отношений, актуализирует педагогическую значимость исторического опыта исправления и перевоспитания несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом.

Авторы рассматривают вариант организации пенитенциарной педагогики в Иркутском исправительно-воспитательном приюте для несовершеннолетних конца XIX – начала XX вв., – ставшего первым, по времени открытия, учреждением подобного типа на обширной территории Сибири. История отдельного учреждения заслуживает внимания в силу того, что, несмотря на однотипность решаемых задач, исправительно-воспитательные заведения различались по подходам, методам и результатам педагогического воздействия. Ключевым методом исследования является диалектический, позволяющий рассматривать педагогический процесс как развивающийся, противоречивый, регулирующий отдельные стороны ювенальной системы. Реализация новаторских педагогических и правовых подходов к исправительному воспитанию освещается в контексте социального восприятия несовершеннолетних правонарушителей в целом, представлена как забота и контроль, сопоставлена с работами других авторов. В систематизированном виде в научный оборот введены новые исторические документы и факты регионального уровня, которые раскрывают комплекс педагогических взаимодействий в практике исправительно-воспитательного заведения конца XIX – начала XX вв., формируют ценностно-ориентационные подходы к оценке его опыта.

Представленный положительный исторический опыт педагогического воздействия на личность несовершеннолетнего может оказать помощь в поиске эффективных технологий реабилитации детей и подростков в условиях специализированных учреждений закрытого типа.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, индивидуализация наказания, воспитательно-исправительные приюты, педагогический процесс, принципы педагогики, меры педагогического воздействия.

Введение

В истории России неоднократно менялся подход к решению проблемы детства, содержанию социальной политики по отношению к этой наиболее уязвимой и многочисленной социально-демографической группе, представляющей собой источник социальной нестабильности при исключении из целевых интересов государства и общества, при кризисе семьи. Признание приоритета социальной защиты детства является одним из актуальных направлений государственного управления в Российской Федерации. Среди разнообразных сторон так называемого детского вопроса, особого внимания заслуживает проблема социального контроля над исправлением личности несовершеннолетнего правонарушителя, а также деятельность по осуществлению его позитивной социализации. В позднеимперской России эффективным способом превентивных и реабилитационных мер в отношении несовершеннолетних правонарушителей признавалась деятельность исправительно-воспитательных заведений, где дети и подростки содержались изолированно от взрослых преступников, а тюремный режим заменялся воспитательным.

Цель статьи – представить вариант организации пенитенциарной педагогики, используя материалы об Иркутском исправительно-воспитательном приюте для несовершеннолетних (Иркутский приют) конца XIX – начала XX вв. В соответствии с авторским замыслом в статье решается ряд взаимосвязанных задач: 1) приводятся численные и социально-демографические характеристики контингента изучаемого заведения; 2) реализация новаторских педагогических и правовых подходов к исправительному воспитанию раскрывается в контексте социального восприятия несовершеннолетних правонарушителей в целом; 3) анализируются содержательная и организационная структуры педагогического процесса в Иркутском исправительно-воспитательном приюте для несовершеннолетних.

Обзор литературы

Проблема организации принудительного воспитания приобрела популярность в России во второй половине XIX в. Первыми к ее разработке приступили правоведы, видные государственные и общественные деятели. В литературе и периодической печати того времени [11; 16; 23] анализировались причины роста преступности среди несовершеннолетних, пробелы отечественного законодательства, обосновывалась необходимость альтернативы тюремному содержанию детей и подростков, описывалась деятельность Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов. Особое место принадлежат трудам Д. А. Дриля [7; 8], изучавшего психолого-педагогические аспекты работы с малолетними правонарушителями. Наиболее полное описание внутреннего устройства исправительных заведений для малолетних арестантов, учрежденных в европейской части России, организации в них трудового обучения и религиозно-нравственного воспитания встречаем в работах А. Ф. Кистяковского [14], Д. Тальберга [25]. Западноевропейский опыт устройства исправительных приютов для несовершеннолетних представлен в публикациях Е. И. Альбицкого, А. Ширгена [1], А. М. Богдановского [4].

К концу первой четверти XX в. данная тематика утратила былую популярность, поскольку разработчикам формирующейся советской пенитенциарной системы важно было подчеркнуть именно ее новаторский и прогрессивный характер. Дореволюционный опыт организации воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей был лишь фрагментарно представлен в единичных работах историко-педагогического [18] или социально-правового [5] плана.

Начало современного этапа в изучении исправительно-воспитательных заведений для несовершеннолетних в России второй половины XIX – начала XX вв. связано с работой Л. И. Беляевой [2], где рассмотрен ряд правовых, организационных и педагогических аспектов деятельности этих заведений. Тема получила последующую разработку [3, 15; 28, 30]. Общему пониманию роли концептуализации так называемого детского несовершенства и педологии в России в период с 1900 по 1930 гг. способствует работа Andy Vyford [27]. При изучении основных тенденций норм и отклонений социализации ребенка во второй половине XIX – начале XX вв. И. В. Синова показала, что российское законодательство не соответствовало быстро меняющимся условиям жизни общества, не способствовало эффективной профилактике правонарушений, не успевало за ростом подростковых девиаций и виктимизации [24]. По мнению ряда авторов [2; 30] было бы неверным идеализировать деятельность по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в Российской империи, так как отсутствовал единый подход к организации работы, ощущался недостаток материальных средств и числа исправительно-воспитательных заведений.

Поскольку деятельность рассматриваемых учреждений была сопряжена с большим разнообразием в пространственном отношении, закономерным стало появление научных публикаций, выполненных на материалах Западной [13; 19] и Восточной [29] Сибири как ключевых звеньях пенитенциарной системы Российской империи. Однако исторический опыт Иркутского исправительно-воспитательного приюта для несовершеннолетних с точки зрения педагогического процесса, не получил освещения.

Материалы и методы

Характеристика содержания и организации педагогического процесса в Иркутском исправительно-воспитательном приюте для несовершеннолетних дана с опорой на делопроизводственные документы, выявленные в государственном архиве Красноярского края (фонд 595 «Енисейское губернское управление Министерства внутренних дел»). Документальной базой исследования послужили отчеты Иркутского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1898–1914 гг. В уставных и отчетных документах сохранились сметы поступления и расходования денежных средств исправительно-воспитательного приюта, списки и морально-нравственные характеристики его воспитанников, сведения о состоянии их здоровья и общем санитарном положении заведения, распорядке внутренней жизни, представлено описание учебного процесса и свободного времяпрепровождения, сведения о дисциплинарных взысканиях. Важная информация о динамике общественных отношений, формах и масштабах работы обществ земледельческих колоний и ремесленных

приютов получена из официального ведомственного издания – «Журнал Министерства юстиции».

Решению исследовательской задачи способствовало сочетание общенаучных и конкретно-исторических методов. Анализ источников и исследовательской литературы проведен с учетом основных принципов научного исторического познания: объективности (опыт деятельности Иркутского исправительно-воспитательного приюта для несовершеннолетних рассматривается в разнообразии и противоречивости, в совокупности положительных и негативных проявлений), историзма (факты и события изучаются во взаимосвязи и взаимозависимости, в соответствии с конкретно-историческими обстоятельствами). Синхронный метод позволил рассмотреть практики социального контроля как организованного ответа на делинквентное поведение несовершеннолетних одновременно с другими явлениями общественной жизни, раскрыть реализацию новаторских педагогических и правовых подходов к исправительному воспитанию в контексте социального восприятия несовершеннолетних правонарушителей в целом, статистический – провести анализ численных и социально-демографических характеристик контингента изучаемого заведения.

Методология исследования базируется на комплексе теоретических представлений разных уровней научного знания. Традиционен для подобного рода работ диалектический метод, требующий охвата важнейших отражающих сущность явления признаков, позволяющий рассматривать педагогический процесс как развивающийся, диалектически противоречивый, являющийся как результатом преобразующего совместного воздействия (социального конструирования) людей на решение разнообразных сторон так называемого детского вопроса, так и регулятором отдельных аспектов ювенальной системы. Системные объяснения вариативного развития моделей и практик педагогического воздействия на личность несовершеннолетнего в XIX – начале XX вв. возможны с помощью «акторного» подхода, получившего обоснование в отечественной литературе в рамках теории модернизации. Этот подход позволяет рассматривать исторический опыт педагогической деятельности через призму интересов, мотивов, ценностных ориентаций, установок разных категорий акторов, через эволюцию акторных структур, «а также выработки технологий увеличения имеющихся в их распоряжении ресурсов и способов их преобразований в реальные современные возможности» [22, с. 6].

Результаты исследования

Вопросы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, нахождение их в местах лишения свободы относятся к числу острых социальных проблем, решавшихся по-разному в различные исторические периоды. Впервые свое организационно-правовое оформление в России они получили в имперский период. Так, в декабре 1866 г. в рамках судебной реформы был издан закон «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников», где заведения рассматривались в качестве самостоятельного института заменяющих наказаний, устройство которых возлагалось на правительственные органы, земства, церковь, общественную и частную благотворительность.

Создание нового типа исправительных заведений в Российской империи шло с опорой на европейский опыт. В 1868 г. на средства Попечительного о тюрьмах общества была направлена группа чиновников Министерства внутренних дел в Швейцарию для ознакомления с деятельностью подобных учреждений, открытых там еще в 1775 г. известным педагогом-гуманистом И. Г. Песталоцци. С 1869 г. в ряде российских городов, как правило, административных центрах губерний и областей, создавались Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов и Общества исправительных приютов с целью устройства и дальнейшего поддержания деятельности воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних осужденных.

Тенденцию сужения репрессивных мер воздействия на детей и подростков отразило «Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» (1909 г.). В нем были аккумулированы основные позитивные начала, выработанные практиками и закрепленные в законах (1866, 1892, 1893, 1897, 1903 гг.) об исправительных заведениях и уголовных наказаниях, применяемых к несовершеннолетним. В Положении определено назначение заведений как учреждений для нравственного исправления несовершеннолетних и подготовки их к честной трудовой жизни. Кроме того, были зафиксированы основные принципы педагогической работы с несовершеннолетними преступниками, а именно: любви и личного влияния взрослых на жизнь и отношения детей; порядка и дисциплины; труда. Для заведений были расширены финансовые и налоговые льготы, разрешено принимать подследственных и подсудимых, а также подростков, ведущих беспризорный или безнадзорный образ жизни, имеющих такие типичные проявления деструктивного поведения как бродяжничество и попрошайничество. Таким образом, перед воспитательно-исправительными заведениями был поставлен широкий круг профилактических и реабилитационных мероприятий, включающий нейтрализацию неблагоприятного социального воспитания, устранение прямого и косвенного аморального и криминального влияния на несовершеннолетнего осужденного, подследственного или подсудимого, формирование жизненных навыков [13, с. 768–769].

Существенное влияние на организацию воспитательного процесса в исправительных приютах для несовершеннолетних оказали Съезды представителей русских исправительных заведений, начавшие работу с 1881 г. Плодотворной деятельности съездов способствовало участие в них наряду с руководителями исправительных учреждений ведущих отечественных специалистов в области права, медицины, психиатрии, педагогики. Постоянное бюро съезда, действовавшее в перерывах между собраниями, обеспечивало сотрудничество с органами государственной власти, предлагало поправки в нормативно-правовое регулирование работы системы исправительных приютов, распространяло наиболее успешные методики воспитательного воздействия на всю сеть исправительных учреждений для несовершеннолетних.

Иркутский исправительно-воспитательный приют был открыт 28 февраля 1899 г. с «целью дать принимаемым в него несовершеннолетним религиозно-нравственное воспитание, общее начальное, ремесленное и сельскохозяйственное образование, развить в них навык и любовь к порядку и труду и тем приго-

товить их к честной, трудовой жизни на свободе»; предназначался для несовершеннолетних обоого пола в возрасте от 11 до 17 лет [6, д. 5051, л. 7, 10]. Фактически же в него принимали только мальчиков, число которых определялось постановлениями общего собрания членов Иркутского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Так, за 1898–1912 гг. общее число воспитанников составило 340, т. е. в среднем в год – 24 человека [12, с. 8]. Помещались в приют в основном по определениям и приговорам суда за кражи (в 1899 г. – 41 %, в 1912 г. – 71 %), нищенство и бродяжничество (41 % и 21 % соответственно в 1899 и 1912 гг.), «упорное сопротивление родительской власти» (18 % в 1899 г.), преступления против нравственности (8 % в 1912 г.). Редкими были случаи помещения в приют подследственных, а также по ходатайствам других приютов или родителей. В 1898 г. доля воспитанников из полных семей составила 41 %, воспитывались только отцом 18 %, только матерью 23 %, являлись сиротами 18 % [20, с. 9–13; 21, с. 15–16].

Отчеты приюта позволяют оставить следующий портрет его воспитанника. Это молодой человек в возрасте 16 лет, уроженец Иркутской губернии, неграмотный, православный, из полной крестьянской семьи; впервые осужденный за кражу, нищенство или бродяжничество, совершенные по месту рождения. До преступления проживал в семье без определенных занятий, либо нищенствовал. Влияние улицы отражалась не только на физическом состоянии, но и деформировало нравственный облик. Составляя характеристики подростков, принятых на перевоспитание в приют, педагоги нередко отмечали их умственную недоразвитость, позерство в поведении, склонность к пороку, леность и нерадение. Чтобы уклониться от работы, воспитанники шли на различные ухищрения: нарочно переставали понимать приказание, исполняли его наоборот или начинали жаловаться на какое-нибудь недомогание.

Специфика контингента, направляемого в исправительно-воспитательные заведения, определяла основные направления работы с ним: не только изменение деструктивного поведения подростка, но и обучение профессии и минимальным знаниям по основным школьным предметам, формирование у него религиозно-нравственных принципов. Комплексный подход к исправлению правонарушителя требовал привлечения к работе широкого круга специалистов. Так, штат Иркутского приюта состоял из священника, врача, консультанта по нервным болезням, учителей и воспитателей, управляющего фермой, дядек-смотрителей, мастеров, экономки и прислуги в количестве, определяемом комитетом – высшим руководящим органом исправительного заведения.

Хотя по результатам работы съездов представителей русских исправительных заведений среди руководителей приютов возникло общее понимание того, что успех исправительного воспитания во многом определяется уровнем квалификации и педагогического мастерства работников исправительных учреждений, а привлекаемый к работе персонал следует подвергать предварительному испытанию, специального штатного расписания для подобных учреждений не вводилось. Состав и количество персонала определялись финансовыми возможностями учреждения. По причине недостаточного финансирования со стороны государства, и отсутствия материальных стимулирования для

учебно-воспитательного состава исправительных учреждений, кадровый вопрос здесь всегда оставался злободневным, и зачастую регулировался совмещением должностей. Так, директор Иркутского приюта помимо своих административных обязанностей периодически руководил огородными и садовыми работами, проводил занятия по пению, обучению грамоте [20, с. 14–15].

Многолетняя практика исправительного воспитания наглядно продемонстрировала внутреннюю неоднородность среды несовершеннолетних правонарушителей и необходимость их дифференциации по степени сопротивления воспитательному воздействию. Опора на непосредственный опыт работы исправительных приютов, подкрепленный новаторскими педагогическими концепциями, ориентированными на поиск новых методик воздействия на личность подростка, закрепила в представлениях теоретиков и практиков понимание важности применения индивидуального подхода к воспитанникам приюта. Как отмечал В. Ф. Залесский «В виду испорченности "материала", над которым приходится работать воспитателям в колониях малолетних преступников – здесь более чем в каких бы то ни было учебно-воспитательных заведениях необходима индивидуализация воспитания» [10, с. 562]. Обеспечение личностного подхода в перевоспитании несовершеннолетнего предполагало получение педагогическим персоналом приюта предварительных сведений о прежней жизни и семейной обстановке воспитанника, знание о его характере, наклонностях, степени умственного развития, особенности нравственных качеств и состоянии здоровья.

Для изучения причин деструктивного поведения, выявления личностных изменений, происходящих под влиянием педагогического воздействия, общего мониторинга состояния дел в отдельных исправительных учреждениях VI Съездом представителей русских исправительных учреждений (1904 г.) были утверждены опросные листы, разработанные с участием представителей Общества невропатологов и психиатров и Общества охранения народного здоровья. Структурно листы опросника включали в себя следующие разделы: данные антропологических исследований; физическое здоровье; психическое здоровье; характеристика личности; дополнения и замечания врача. Разделы, характеризующие состояние здоровья воспитанников, заполнялись врачом на основании проведенных психофизиологических исследований и антропологических замеров. Характеристику личности воспитанника давал учебно-воспитательный персонал приюта путем последовательного изложения ответов на 36 вопросов, затрагивающих ключевые атрибуты интеллектуальной (уровень развития познавательных процессов, ключевую область интересов, наличие-отсутствие отклонений в умственном развитии) и эмоционально-волевой (присутствие склонности к аффектам, уровень мотивации, преобладающий эмоциональный фон) сфер личности подростка, а также специфику его поведения в социуме.

В начале 1900-х гг. в Иркутском приюте было введено медико-педагогическое сопровождение воспитанников. При поступлении в приют, а затем ежеквартально, медицинскими работниками измерялись рост, вес и объем грудной клетки каждого воспитанника. Результаты измерений фиксировались в санитарных листках, куда также вносились сведения обо всех болезнях, перене-

сенных за время пребывания в приюте. В течение всего срока отбывания наказания воспитанники наблюдались у врача не реже одного раза в неделю [21, с. 11]. Надзор за изменениями в поведении каждого малолетнего правонарушителя осуществлялся педагогическим советом, в состав которого помимо директора приюта, выступающего в роли председателя, входили священник, врач, консультант по нервным заболеваниям, учителя и воспитатели. Важной задачей педагогического сопровождения являлось выявление оптимальных приемов и методов воздействия на личность подростка. Записи, характеризующие поведение каждого воспитанника и его успехи в школе и прилежание на работе воспитатели вносили в особые «конduitные» тетради. Реализация индивидуального подхода к воспитанию и обучению в исправительных приютах также предполагала разделение несовершеннолетних по отделениям (не более 20 человек), и передача их в заведование особого воспитателя. Согласно устава заведения, воспитанники младшего возраста содержались отдельно, а наиболее трудные в воспитательном отношении, требующие особо тщательного и строгого надзора, определялись в специальное отделение, находящееся в заведовании более опытного воспитателя, под постоянным наблюдением врача и консультанта по нервным болезням [6, д. 5051, л. 9].

Как отмечал Д. А. Дриль, отклоняющееся поведение подростка, сложившееся в условиях его предшествующей пагубной жизни, может не закрепиться в условиях рационального воспитания и оздоровления внешней обстановки [9, с. 243]. Организаторы приютов осознавали значимость создания благоприятных условий проживания несовершеннолетних правонарушителей для их исправления. В начале XX в. годовое содержание одного воспитанника в Иркутском приюте составило 252 руб. [подсчитано по: 21, с. 14–15], что было несколько ниже средних данных (360 руб.) по стране, приводимых в отчетах Главного тюремного управления, в подчинении которого находились исправительно-воспитательные приюты для несовершеннолетних. Однако следует учесть, что экономия средств в Иркутском приюте происходила на фоне увеличения доходов от его хозяйственной деятельности. Воспитанники получали достаточное и калорийное питание, сезонное обмундирование (оно включало 12 предметов, в том числе шубу из овчины, кожаные сапоги, валенки на общую сумму 50 руб.) [16, с. 192].

Организация внутренней жизни приюта была максимально приближена к быту средних по достатку крестьян и ремесленников. В связи с чем все хозяйственные работы по учреждению (уборка, мытье, отопление, освещение, помощь в пекарне, в прачечной и т. д.), кроме работ по кухне, воспитанники выполняли самостоятельно [6, д. 5051, л. 9]. Распорядок дня в приюте устанавливал педагогический совет приюта применительно к сезону. Согласно расписанию, свободные часы ограничивались лишь временем, необходимым для принятия пищи и отдыха. Такой режим дня преследовал цель приучить воспитанников к труду и обеспечить реализацию принципа максимального заполнения времени подростка трудом, учебой и развлечениями для «невозможности отдаваться своим дурным привычкам» [20, с. 13].

Школьное обучение в приюте стремились согласовать с программами начальных народных училищ; сельскохозяйственное – с практическим обучением огородничеству, садоводству, ягодному и молочному хозяйству, птицеводству; ремесленное – с обучением таким ремеслам, на продукты которых был спрос не только в городе, но и деревне [6, д. 5051, л. 9 об.]. Учебные занятия в приюте проходили с 1 января по 15 мая и с 1 сентября по 23 декабря дифференцированно для трех групп воспитанников: неграмотных (их доля составила в 41 % в 1899 г., 58 % – в 1912 г.), малограмотных и окончивших начальную школу. Еженедельное расписание включало: закон Божий – три урока, русское чтение – три урока, церковное православное чтение – два урока, арифметика – три урока, орфография – четыре урока, каллиграфия – один урок, пение – два урока. Результаты оценивались по пятибалльной системе. В 1912 г. впервые были введены военная гимнастика и строевой марш, которые проводил специально нанятый унтер-офицер [21, с. 2].

В летний период вместо учебных занятий устраивались земляные работы по устройству огорода или озеленению сада. В исключительных случаях (при ненастной погоде) обучение проводилось, но носило случайный характер. В течение зимы часть воспитанников занимались изучением столярного и сапожного ремесел под руководством мастера. В процессе обучения ремеслу воспитанники привлекались к исполнению частных заказов. Так подростки понимали практическую пользу от своего труда. Несмотря на то, что практическим занятиям отводилась большая часть совокупного времени пребывания в приюте, результаты труда воспитанников направлялись преимущественно на обеспечение собственных нужд исправительного учреждения. Устав приюта запрещал стремление к увеличению доходов, в ущерб обучению и нравственному воспитанию подростков. Существенным препятствием в организации профессионального обучения на протяжении всего времени действия Иркутского исправительно-воспитательного приюта оставалась его слабая материально-техническая база. Из-за малой площади столярной и сапожной мастерских, а также недостатка средств для приобретения расходных материалов, несовершеннолетние преимущественно были заняты сельскохозяйственным трудом.

Одним из основных методов воздействия на личность правонарушителя в исправительных учреждениях признавалось нравственно-религиозное воспитание. Воспитанники Иркутского приюта должны были еженедельно присутствовать при богослужении, соответствующему их вероисповедованию. В выходные и праздничные дни, по вечерам директором и Законоучителем «велись с воспитанниками духовно-нравственные беседы, во время которых им особо объяснялись преступность воровства, неприличие употребления бранных слов, позор лжи и обмана»; сообщались сведения русской истории, географии, по естествознанию; читались отрывки из сочинений русских писателей. Совместное обсуждение прочитанных художественных и религиозных текстов, имело целью воспитания в подростках чувства долга, стремления к порядочности и осознания собственного достоинства. В числе воспитательных мер также практиковалось предоставление питомцам приюта различных развлечений и удо-

вольствий (поход в лес за ягодами и грибами, ночная рыбалка, игры на свежем воздухе и др.) [21, с. 9].

В основу системы наказания нарушителей внутреннего распорядка был положен гуманистический подход. В качестве мер дисциплинарного взыскания в Иркутском исправительном приюте применялись: «выговор наедине, выговор публичный, лишение места за столом, лишение одного блюда или порции говядины, оставление на хлебе и воде, лишение вечернего чая, лишение игры на свободе в часы отдыха, назначение на домашнюю работу не в очередь, лишение права пользоваться отпуском к родным и заключение в карцер на срок не свыше 3 дней» [20, с. 13]. Было в приюте и помещение с решетками и запорами (карцер), куда на ночь заключали злостных нарушителей режима [12, с. 2–3]. В тоже время в приоритет наказанию как мере исправительного воздействия на личность ставилось лишение награды. Согласно отчету за 1912 г. заключение в карцер в Иркутском приюте было вовсе отменено [21, с. 9].

Наиболее действенной по сравнению с наказанием педагогическим составом Иркутского приюта считалось применение системы поощрений, включавшей в себя: «а) оказание различных видов доверия; б) назначение пособий деньгами или вещами, причем последние вносятся на хранение в сберегательную кассу на имя воспитанника; в) перевод в высший по поведению разряд и г) отпуска на время не свыше трех дней, с причислением поверстного срока для посещения родителей и родственников, известных управлению приюта своею благонадежностью в нравственном отношении». Родным и опекунам разрешалось навещать воспитанников в воскресные и праздничные дни. Свидания проходили при обязательном присутствии служащего приюта и могли длиться «до заката солнца» [6, д. 5051, л. 9 об., 10]. Предпринимались попытки внедрить элементы самоуправления, а именно: пригласить на должность младших дядек-смотрителей воспитанников, проявивших благонадежность за время нахождения в приюте [21, с. 3].

В соответствии с законом «Об изменении постановлений, касающихся обращения в исправительные приюты и содержания в них малолетних преступников» 1892 г., педагогический совет исправительного учреждения, в случае признания воспитанника исправившимся и пробывшим в заведении не менее года, представлял комитету приюта мотивированное заключение о досрочном освобождении воспитанника, прилагая свое заключение о способе дальнейшего устройства несовершеннолетнего, его кондуитную тетрадь и санитарный листок [6, д. 5051, л. 10].

По выходу из заведения большинство воспитанников направлялись к своим родителям или родственникам. Часть определялись на работу на заводы и мастерские, лишь некоторые зарабатывали на жизнь самостоятельным трудом. Лучших выпускников приюта старались определить для дальнейшего образования в низшие технические, фельдшерские и т. п. училища; выпускникам из малообеспеченных семей выдавали неформенную одежду, необходимый инструмент по избранному им ремеслу и денежное пособие на проезд к месту жительства [6, д. 5051, л. 10]. В течение трех лет над выпускниками приюта устанавливалось покровительство на общественных началах. Время пребывания в

воспитательном учреждении даже при отсутствии отлаженного постинтернатного сопровождения способствовало тому, что значительная часть воспитанников приюта находила приобретенным в нем навыкам полезное применение, тогда как рецидив в первые три года по окончании приюта в среднем наблюдался у 20 % выпускников. Сама же организация воспитания в них становилась примером не только для исправительных учреждений, но и для системы общего образования в целом [9, с. 239]. Вместе с тем, масштаб деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних данного типа был небольшим. По замечанию немецкого историка права Т. Мил, нехватка ресурсов привела к тому, что 3 000 мест, открытых накануне 1917 г. покрывали спрос в них лишь на 10 %, отчего «молодые люди часто страдали в обычных тюрьмах вопреки желанию судей» [30, с. 214].

Заключение

Обобщая вышеизложенное, отметим, что появление в позднеимперской России нового типа пенитенциарных учреждений для детей и подростков было вызвано потребностью гуманизации уголовного преследования в отношении несовершеннолетних. На примере Иркутского исправительно-воспитательного приюта видим, что опекаемый контингент, кроме отбывающих наказание малолетних преступников, включал в себя и другие категории правонарушителей (бродяжек, нищих, беспризорников), нуждавшихся в исправительном воспитании. Несмотря на то, что дети и подростки помещались в приют за совершение реальных преступлений, учреждения подобного рода ставили своей приоритетной целью перевоспитание, а не наказание ребенка. Работа учебно-воспитательного персонала приюта строилась на основе практической реализации новаторских педагогических идей о необходимости построения системы перевоспитания на основе принципов гуманизма, индивидуализации воспитания, уважения личности и достоинства подростка, комплексного подхода к делу исправления. Основными трудностями в организации педагогического воздействия становились недостаточное финансирование со стороны государства, низкая квалификация учебно-воспитательного персонала. Высокие результаты, достигнутые в деле исправительного воспитания, во многом нивелировались возвращением выпускников приюта в прежнюю социальную среду.

Представленный в статье материал предоставляет в распоряжение исследователей новые данные о воспитательно-педагогическом процессе в Иркутском приюте, позволяет верифицировать имеющееся в литературе (2, 3, 13, 15, 17, 19, 29) суждение о том, что работа исправительно-воспитательных заведений аккумулировала в себе основные положения предупреждения правонарушений несовершеннолетних, разработанные в середине XIX – начале XX в. российскими специалистами на основе обобщения отечественного и зарубежного опыта. Приводимые выше характерные особенности контингента воспитанников Иркутского приюта согласуются с результатами осуществленного О.В. Харсеевой [26] выявления особенностей несовершеннолетних правонарушителей, позволяют дать более точную характеристику организации и содержания деятельности таких заведений, оценить их эффективность. В то же время не нашло подтверждения мнение о том, что к несовершеннолетним осужден-

ным «не применялись такие меры дисциплинарного воздействия как помещение в карцер, лишение права на связь с родителями и близкими» [7, с. 17].

Изучение уникального опыта воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних позволяет совершенствовать технологии работы с малолетними правонарушителями на современном этапе развития российской пенитенциарной системы, где на повестке дня стоит вопрос о преобразовании воспитательных колоний в воспитательные центры целевым параметром которых должно стать формирование новых для осужденных ценностей, приобщение к системе социальных отношений.

Список использованных источников

1. Альбицкий Е.И., Ширген А. Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и детей заброшенных в связи с законодательством о принудительном воспитании. Саратов : Типография губернского земства, 1893. 302 с.
2. Беляева Л. И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX вв.). М. : [б. и.], 1995. 100 с.
3. Белянкова Е. И. Роль общественности в педагогической профилактике преступности несовершеннолетних в Российской империи в конце XIX– начале XX в. // Вопросы образования. 2010. № 1. С. 236–246.
4. **Богдановский А.М.** Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики. – 2-е изд., испр. и доп., с приложением Регламента Метрейской колонии и проекта устава Одесского исправительного приюта. СПб. : Тип. А. Моригеровского, 1871. 301 с.
5. Гербеев, Ю.В. Исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей: (Историко-педагогическое исследование) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. М. : [б.и.], 1969. 34 с.
6. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Фонд 595 Енисейское губернское управление Министерства внутренних дел. Опись 8.
7. Детков М.Г. Исторические аспекты исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних преступников // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних / ред.совет: Александров Ю.К. и др. М.: Права человека, 2000. С. 6–19.
8. Дриль Д.А. Малолетние преступники. Вып. 2. Ч. 1. Психология преступности. М. : Типография Мамонтова, 1888. 43 с.
9. Дриль Д.А. Что дал VI съезд представителей русских воспитательно-исправительных заведений // Журнал Министерства Юстиции. 1904. № 7. С. 219–244.
10. Залеский В.Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань : Типо-литография императорского университета, 1916. 714 с.
11. Земледельческие колонии и ремесленные приюты как воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и бедных детей. СПб. : [б. и.], 1870. 38 с.

12. Иркутское Общество воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних. Иркутск : Коммерческая электро-типография, 1914. 32 с.
13. Катцина Т.А., Пашина Н.В. Исторический опыт организации и деятельности Томской земледельческой колонии для несовершеннолетних // Былые годы (Российский исторический журнал). 2018. № 48 (2). С. 768–775. DOI: [10.13187/bg.2018.2.768](https://doi.org/10.13187/bg.2018.2.768)
14. Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обзором русских учреждений. Киев : Университетская типография И.И. Завадского, 1878. 229 с.
15. Курас С.Л. Система организации исправительных учреждений для несовершеннолетних в дореволюционной России // Власть. 2015. № 1. С. 185–188.
16. Наши исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних (Извлечение из отчета Главного Тюремного Управления за 1905 год) // Журнал Министерства Юстиции. 1907. № 8. С. 188–197.
17. Лаврентьев М.В. Саратовский исправительный приют имени М.Н. Галкина-Враского (1873–1917 гг.) // История государства и права. 2010. № 12. С. 35–38.
18. Медынский Е.Н. История русской педагогики до Великой Октябрьской социалистической революции. – 2-е изд., испр. и доп. М. : Учпедгиз, 1938. 512 с.
19. Михиенков Е.Г. Помощь общественных объединений Томской губернии осужденным, освобожденным из мест лишения свободы в период с 1905 по 1917 гг. // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: научно-публицистический альманах. Рязань. 2012. Вып. 6. С. 59–65.
20. Отчет о деятельности Иркутского Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1899 г. Иркутск : Паровая типолитография П. И. Макушина, 1900. 22 с.
21. Отчет о деятельности Иркутского Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1912 г. Иркутск : Коммерческая электро-типография, 1914. 32 с.
22. Побережников И.В. (ред.). Акторы российской имперской модернизации (XVIII –начало XX в.): региональное измерение. Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.
23. Сабинин Л.Х. Преступные дети и исправительные заведения. Ровно : Типография Правительствующего Сената, 1898. 98 с.
24. Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.: проблема социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб. : Дм. Буланин. 2014. 287 с.
25. Тальберг Д. Исправительные приюты и колонии в России. СПб. : Типография В.С. Балашева, 1882. 63 с.
26. Харсеева О.В. Социально-исторический портрет воспитанника исправительного заведения для несовершеннолетних преступников в дореволюционной

России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 3 (43). С. 28–33.
<https://elibrary.ru/item.asp?id=30115662>

27. Andy Byford (2017) The imperfect child in early twentieth-century Russia // *History of Education*, 46:5, 595-617, DOI: [10.1080/0046760X.2017.1332248](https://doi.org/10.1080/0046760X.2017.1332248).
28. *Justice in the Modern World*. Moscow: Statut, 2013. – 717 p.
29. Kattsina T.A. Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XXth century): Realization of Social Expectations. *Bylye Gody (Russian Historical Journal)*. 2017. Vol. 44. Is. 2. PP. 533–541. DOI: [10.13187/bg.2017.2.533](https://doi.org/10.13187/bg.2017.2.533)
30. Mill T. *Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917*. Frankfurt am M. : Klostermann, 2010.